

Мустай
КАРИМ:

НЕТ МОДЫ НА ПОЭЗИЮ

Перу Мустая Карима, известного писателя, Героя Социалистического Труда, принадлежат стихи, поэмы, повести, рассказы, пьесы. И все-таки прежде всего он поэт.

— Основное в моей работе — поэзия, — говорит сам Мустай Карим.

И беседа наша началась с вопроса о поэзии. Что думает Мустай Карим о том, какое место сегодня занимает поэзия в жизни людей, меняется ли со временем отношение человека к ней?

— Приходится слышать мнение, что каждое время вырабатывает свое отношение к поэзии. Но и сама поэзия не может быть пассивной, ждать, как к ней отнесется время, как к ней отнесется поколение. Она активна, она врывается во время, в судьбы поколений. Существует обоюдное влияние — времени на поэзию и поэзии на время.

Я не верю, что может появляться мода на подлинную поэзию. Подлинная поэзия, подлинное искусство — это как хлеб насущный, как вода. На хлеб, на воду не может быть моды.

Другое дело, что интерес к искусству, к литературе идет какими-то волнами. Сейчас ощущается некоторый спад интереса к поэзии по сравнению с тем, что было 15—20 лет назад. Но спад не означает конец. Будут другой взлет, другая волна. Если в наш век рационализма человек не оторвется однажды от своих точных расчетов и не обратится к поэзии, он просто задохнется. Задохнется как личность.

Поэзия воюет против лени души. Ум сам по себе сейчас не дремлет, он активен. А душа, очевидно, у многих поддается лени.

— А не объясняется ли этот спад тем, что выходит слишком много неинтересных, серых книг?

— Немало, конечно, появляется стихов серых, крикливых, неискренних, — соглашается Мустай Карим. — Но в искусстве издержек всегда больше, чем настоящего. Иногда приходится слышать: почему у нас столько писателей, столько художников, столько композиторов! Зачем нам в Башкирии 120 писателей? Достаточно было бы 30—40, но первоклассных... Нет, недостаточно! Шедевры могут создаваться в определенной среде, в определенной атмосфере. А неудачные постановки, картины, книги... Их даже больше, чем удачных, к сожалению. Но так и будет. Не надо питать иллюзий, что хороших книг будет больше, чем плохих. Творчество — это риск. И если он оправдывается хотя бы частично, уже хорошо. Но весь вопрос в том, чтобы не было уравниловки в оценках.

У самого Мустая Карима, пожалуй, не было явных, публичных творческих неудач. Писательская судьба его складывалась завидно. Печататься начал в 14 лет, в восемнадцать лет вышла книга, в девятнадцать лет принят в Союз писателей.

Потом — война, тяжелые фронтовые будни, превратившие поэтически одаренного юношу в закаленного мужчину, ощутившего потребность сказать свое слово, которое услышали бы все.

Впрочем, подробности биографии Мустая Карима широко известны. В беседе с ним хотелось вернуться к тому моменту в юности, когда зародилось желание сочинять стихи, сформировалось поэтическое видение мира.

— Я никогда не говорил себе: буду писать, буду поэтом, — рассказывает Мустай Карим. — В своем детстве творческого начала я что-то не помню. Вот в моей деревне жил мальчик Асхат, мой сверстник — он уже в раннем возрасте сочинял очень острые частушки, песенки, шутки, прибаутки. Он был любимцем и возмутителем спокойствия людей, потому что замечал все недостатки, откликался на любое событие. Я думаю, что это был бы поэтический гений. Он погиб на войне. Так, наверное, рождаются гении, сразу разговаривающие с миром на языке высокой поэзии. А я за собой этого не наблюдал. Фантазии у меня было не больше, чем у других. Я не знаю даже, почему начал писать. А начал я сочинять очень рано, лет с тринадцати. Интересно, что стихов я читал тогда очень мало и даже не все, что читал, понимал. К 16—17 годам я уже стал читать с пониманием. Очень увлекался стихами Габдуллы Тукая — великого татарского поэта. Большое влияние оказал на меня поэт Батыр Валид. Были тогда поэты выше его, но мне он очень нравился.

Сложилось так, что к старости он ослеп, и я по-человечески с удовлетворением вспоминаю, что в это время я смог стать хоть и небольшой, но опорой для него. Я могало в юнитейских делах. Я как бы отдавал дань тому,

что мне, 17-летнему, очень много дали его стихи.

Я всегда ощущаю чувство должника. Я должен был Батыру Валиду, и в старости его я хоть немножко платил ему. Перед Тукаем и Пушкиным у меня тоже есть долг. Перед ними уже неплатный.

Видимо, это естественно для поэта — чувствовать себя в долгу перед своими учителями. Так же и в живописи, и в музыке. Ей-богу, это не просто поэтическая метафора. Может быть, это прозвучит слишком самонадеянно, но, по-моему, если у творческого работника нет этого чувства долга, он еще как художник не начинался. Ко мне это тоже пришло не сразу. В 20 лет я еще не считал себя в долгу перед Пушкиным. Это приходит позже, когда подводишь какие-то итоги.

— Одна из главных черт характера Мустая Карима — скромность. Он не любит говорить о себе, выпячивать свое «я», и в его изложении

путь, к поэтическим высотам выглядит простым и ясным, да и сами высоты не видятся таковыми. А между тем перед нами настоящий, большой поэт и философ, не боящийся ставить в своих произведениях самые сложные вопросы человеческого бытия. С этой точки зрения особенно интересны его исторические трагедии «Салават» и «Не бросай огонь, Прометей!». Неожиданный взгляд на историю, на сложившиеся, казавшиеся неизблемыми каноны.

— Исторические произведения пишущие, на мой взгляд, по двум причинам, — говорит Мустай Карим. — Одни — из-за избытка фактического материала у автора. Он знает так много, что уже не может не писать. У меня бывает наоборот. Перед тем, как я начинаю работу над историческим произведением, у меня появляется своя концепция. И чтобы эту концепцию выверить, я обращаюсь к исторической литературе, к фактическому, как говорится, материалу.

Например, в трагедии о Прометее меня интересовало, как люди приняли огонь, дарованный им. В древнем сказании об этом ничего не говорится. А ведь это очень важно: отношение людей к идее, к идеалу, к мечте. По моей концепции, у Прометея люди огонь не принимают, они не готовы к этому. Человек сам по себе консервативен, он сопротивляется первому удару света, мысли. Вот что меня волновало, и против этого консерватизма я направлял свою трагедию.

В «Салавате» я опирался на известный исторический материал. О Салавате всегда писали как о воине, который не знал страха и сомнений. Но меня волновала проблема: как должен вести себя вожьд восставшего народа, который обрек этот народ на испытания, на поражение, на возмездие? Я создал собственную концепцию его характера. Мой Салават уходит в море, звеня кандалами. По существу, это добровольный уход из жизни, он отдал все, что мог, он исчерпал себя. А такая личность, исчерпав себя, уже не может кое-как доживать свой век, «доползать», по существу, до могилы.

Я думаю: если бы передо мной стоял такой выбор, я, наверное, пошел бы по пути Салавата.

Правильно говорил Александр Фадеев: о чем бы ни писал писатель, он пишет свою биографию. Во все вкладывает самого себя. Это биография его радостей и страданий, надежд и крушений, надежд, его падений и взлетов. И всегда, о чем бы настоящий писатель ни писал, он пишет о своем народе.

Писатель должен быть очень чутко к потерям. Причем нет потерь больших или малых. Для ребенка потеря осколка стекла равноценна потере целого мира. Это необходимо чувствовать.

Поэт начинает с ощущения потери, боли. Когда падает с дерева лист, мы не слышим этого. А для какого-то чуткого существа это падение равно катастрофе. Вот это ощущение катастрофы в малом является одним из

свойств человека, причастного к творчеству.

От разговора об исторических трагедиях мы переходим к драматургии вообще. И здесь Мустай Карим остается верным себе. Автор, чье имя прочно связывается с современным театральным процессом, чья драма «В ночь лунного затмения» обошла сцены десятков театров страны, отнюдь не считает, что достиг в этом жанре вершины.

— Да, я пишу драмы, — рассуждает Мустай Карим. — Но знаю, в чем я слаб как драматург. Слабость моя в том, что я не умею закручивать пружину драматического сюжета. Я прежде всего полагаюсь на слово, верю в него. Видимо, это идет от моего основного ремесла — поэтического. Большая нагрузка у меня падает не на ситуацию, а на слово. И порой, когда слово не подкреплено значительной мыслью, оно повисает в воздухе. В этом моя слабость.

И театры в основном ставят мои пьесы такими, какие они есть, прощая мои просчеты в их построении и проявляя уважение к моему слову. В этом отношении особенно постоянен мой родной Башкирский академический театр драмы.

Сейчас я закончил пьесу-фарс «Коня диктатору!» — о современном «тихом» восточном диктаторе. Для меня — это новый жанр, но и здесь я работал, веря в слово. Некоторые из тех, кто успел познакомиться с этой работой, упрекают меня за просчеты в сюжетном построении, но я упорствую, считая, что слово должно нести основную драматическую нагрузку.

В этом сочинении я еще сам не могу все «расставить по полочкам». Иногда ведь получается, что критики объясняют автору, что он хотел сказать той или иной своей работой. Творческий процесс стихов, не все можно предугадать. Когда сидишь над листом бумаги с карандашом в руках, происходит иной раз неожиданные вещи.

Замысел фарса родился еще четырнадцать лет назад. Он, видимо, был продиктован реальными фактами и событиями, которые происходили в не столь отдаленной от наших пределов стране. Диктатор бредово мечтает присоединить к своим владениям якобы отколотый много тысячелетий назад соседний остров. Версия абсурдная, но ведь все, чем любой диктатор пытается одурманить людей, построено не на логике. Претензия на господство всегда алогична.

Четырнадцать лет назад родился этот замысел и ждал. Ждал не очереди своей, а своего часа. И вот в прошлом году в Малеевке, куда я приехал писать совсем другую пьесу, которая тоже бродит во мне несколько лет, этот диктатор вдруг вернулся ко мне и заставил за себя взяться.

У меня не получается работа по твердому плану, вот, мол, закончу пьесу, возьмусь за поэму и т.д. Многие возникает стихийно. Может быть, опять же оттого, что я больше привержен к поэзии. Иногда радуешься, что не написал ту или иную вещь тогда, когда идея ее пришла к тебе впервые.

У меня есть поэма «Черные воды». Замысел ее пришел еще в дни войны — написать о трусе. Были и такие на войне. Но если бы я написал ее в те годы, я все описал бы только с точки зрения воинского проступка. А написал я ее спустя пятнадцать лет, и она получилась, на мой взгляд, более продуманной.

Повесть «Долгое-долгое детство», одна из глав которой, кстати, посвящена Асхату, тоже жила во мне очень долго. А осуществил замысел в последние три-четыре года. Если бы я написал ее раньше, получился бы просто рассказ о детстве. А сейчас, с расстояния прожитых лет, я старался в этой повести сказать больше, чем сказал бы пятнадцать лет назад.

Мой последний — традиционный — вопрос Мустай Карим угадывает. И высказывается, как всегда, откровенно и прямо.

— Меня раздражают вопросы типа «Над чем вы работаете?», «Какие у вас планы?». У писателя может быть только один план — писать! Что-нибудь писать.

А тема? Главное для меня то, что, на мой взгляд, главное и для всего искусства, — борьба за духовную раскованность человека. Я хочу, чтобы человек не старался показаться хуже, чем он есть. Ведь он по разным причинам и обстоятельствам играет часто роль худшего человека, чем он есть. Я хочу, чтобы человек не терял то хорошее, что в нем заложено, а это так легко можно выплеснуть и забыть. И еще — чтобы человек не играл роль лучшего человека, чем он есть. Чтобы человек оставался самим собой. Человеком.

Беседу вел
А. ЮРИКОВ.